

18+

Ирина ПРОНИ

**ВЫСОКИЕ
БЕЛЫЕ
ОБЛАКА**

роман - мозаика

Ирина Прони

**Высокие белые
облака. Роман-мозаика**

«Издательские решения»

Прони И.

Высокие белые облака. Роман-мозаика / И. Прони —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623381-2

Роман-мозаика из эпизодов и событий, случившихся с людьми, связанными родственными или дружескими отношениями, жившими в одной и той же стране в одном и том же веке.

ISBN 978-5-00-623381-2

© Прони И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
Уфа	8
Комсомольск-на-Амуре	11
Пётр Григорьевич и Домна Георгиевна	21
Советская Гавань	26
Путешествия	29
Мой друг Вовка Лебедев	31
Пожар	33
Нанайский чебурек. Подушка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Высокие белые облака

Роман-мозаика

Ирина Прони

*«И, правде говоря, что же иное и моя книга, как не те же гротески, как не такие же диковинные тела, сплетённые как попало из различных частей, без определённых очертаний, последовательности и соразмерности, кроме чисто случайных?»
Монтень, «Опыты»*

Редактор Варвара Григорьевна Пустыльник

© Ирина Прони, 2024

ISBN 978-5-0062-3381-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман-мозаика из эпизодов и событий, случившимися с людьми, связанными родственными или дружескими отношениями, жившими в одной и той же стране в одном и том же веке.

Я не ставила задачу с дотошностью архивариуса отразить хронологию событий или составить родословную большой семьи. Не обязательно отыскивать в тексте точное портретное сходство кого-то с кем-то. Ведь нет и никакого авторского секрета в совпадении книжных персонажей с конкретными людьми – прототипами. Однако для плавности и связности повествования использовались и всяческие авторские фантазийные скрепы.

Эту книгу можно читать, как читается любая другая книга.

Посвящается моим внукам:

Нине, Ване, Стёпе, Варе, Анечке.

А также моей крестнице Люсе,

а также Шарлотте и Аманде, бывавшим в Москве,

а также каждому,

кто дочитает эту книгу до конца с интересом.

Часть первая. «На сопках Манчжурии»

Морозно и солнечно. Мы несемся с горы на санках в заснеженном лесу. Мама, трёхлетний брат Боря и я. Что за санки у нас! Чудо, да и только! Высокая спинка креслица санок выполнена из красивых металлических завитков, а подлокотники, сидение, ручки – из светлого теплого дерева. Боря сидит впереди на высоком сиденье, пристегнутый ремешком, а мы с мамой стоим сзади: я на специальной подставочке, а мама, разогнав санки, запрыгивает сзади на длинные полозья. Стремительно мчимся по снежному насту! Я побаиваюсь скорости, вдруг перевернемся. Но мать не разрешает мне трусить: «Держись крепко и смотри вперед!» А кругом, какая красота! а соснах и елях толстый слой снега необыкновенной белизны, все в искрящемся инее, все празднично сверкает на дальневосточном солнце. Кроме нас никого в этом безмолвном заснеженном сказочном лесу. Может мы в гостях у Снежной королевы? Нет, мы не останавливаемся, несёмся дальше. Все вокруг белое, совершенно беззвучное, только скрип наших полозьев о снег, только наша скорость. «Держись крепко, смотри вперед!»

Я дальневосточница по рождению. В этом краю встретились и поженились мои родители. Здесь прошло мое счастливое дошкольное детство, прошли первые семь лет моей жизни с родителями, бабушкой, дедушкой, прабабушкой, тетей и дядей с маминой стороны.

Мой отец попал служить на Дальний Восток после окончания Высшего военно-морского училища им. Дзержинского в Ленинграде. А мама оказалась там с двенадцатилетнего возраста. Ее отец, Ахмылин Петр Григорьевич, человек во многом неординарный, отправился на Дальний Восток в тридцатых годах, следуя правительственному призыву «Интеллигенция – на Дальний Восток!», когда там начали строить новый город Комсомольск-на-Амуре. Впрочем, это было не первое его знакомство с Дальним Востоком. Ему случалось бывать в этих краях и гораздо раньше.

Итак, следуя, якобы, призыву, он уехал сначала один, затем вызвал семью: жену с тремя детьми и свою мать, которая жила с ними. Это глобальное событие – трудный переезд с тремя детьми и свекровью, путешествие с многочисленными пересадками от города Уфы до берегов реки Амур всю жизнь занимало большое место в воспоминаниях моей бабушки Домны Георгиевны. (вставить про ранние путешествия)

Этот край стал местом их жизни, их судьбой.

В деревянной шкатулке моей мамы, где хранятся письма разных лет, есть и несколько газетных вырезок, свидетельствующих о том, что Петра Григорьевича и Домну Георгиевну в Комсомольске-на-Амуре, знали многие.

В шкатулке есть статья о Домне Георгиевне Гусевой, об одной из первых, награждённых на Дальнем Востоке Орденом Ленина.

Есть заметка о фильме про Дальний Восток, начинавшегося кадрами, где пожилой пасечник с седой бородой вдохновенно повествует, какой это замечательный благодатный и богатый край.

В городском краеведческом музее когда-то был и стенд, посвященный Ахмылину Петру Григорьевичу, одному из первостроителей города, учителю, заведующему техникумом, краеведу и восторженному знатоку Дальнего Востока.

Семья Ахмылиных стоит отдельного рассказа.

Можно начинать с девятнадцатого века.

Уфа

Однажды знойным воскресным летним днем, году, возможно, в 1865 (бесспорно, что уже после отмены крепостного права, при котором каждый крестьянин принадлежал своему помещику), по пыльной дороге в повозке, запряженной двумя лошадьми, возвращалась из города Уфы в свое поместье пожилая генеральша. В Уфу она ездила по большим религиозным праздникам на службу в храм. В тот день была Троица. У самой дороги пожилая дама увидела маленькую девочку лет трех.

Девочка была босая, как все крестьянские дети, в одной рубашонке, но очень хорошенькая со светлыми кудрявыми волосами. Настоящий ангелочек в праздничный день! Генеральша велела кучеру остановиться, спросила у девочки, откуда она, так как до ближайшей деревни было весьма далеко. Но девочка ничего не могла рассказать. Ребенка взяли с собой. В генеральском доме ее отмыли, накормили, приодели. Однако, чья она так и не удалось выяснить. Девочка чем-то тронула сердце пожилой генеральши. Она не захотела сдать найденку в приют, а оставила у себя. Обратив внимание, что на шее у девочки нет крестика, как носили все крестьянские дети, она заключила: «Видимо, из еврейской семьи и не крещена по православному обряду». Она приняла решение о крещении подобранного на дороге ребенка. Через год, когда маленькая Евдокия уже обжилась в доме генеральши, каким-то образом выяснилось, чья она. Оказалось, что все ее родные умерли, что она круглая сирота и что в младенчестве она, как и положено, была окрещена в церкви. Второе крещение считается недопустимым, сказано же в «Символе веры»: – исповедую единокрещение во оставление грехов. Генеральша, будучи женщиной благочестивой, сразу же поехала в Уфу к батюшке на исповедь покаяться, что, не выяснив всех обстоятельств, самостоятельно приняла решение о крещении ребёнка. Можно предположить, что грех этот ей был прощен.

Евдокия росла в доме на правах воспитанницы. Ее научили многим жизненно полезным вещам: грамоте, чему-то по-французски, хорошим манерам поведения в благородном обществе, а также рукоделию, в чём девочка особенно преуспела. Генеральша (к сожалению, имя этой женщины для нас неизвестно) полюбила свою воспитанницу и, как могла, позаботилась о ее дальнейшей жизни. Она нашла ей жениха, конечно, из своей среды – военного, и выдала замуж, дав приданое.

Евдокия рано овдовела и осталась одна с сыном Петей. Ей пришлось жить своим трудом, наглядно подтверждая то, что приобретенные знания и умения – неплохой капитал, если суметь их применить. У девочки, урожденной крестьянки, получившей благородное воспитание, проявилась сметка и предприимчивость. В так называемый историками период становления капитализма в России моя прабабушка открыла на главной улице Уфы модное ателье с вывеской «Крою и шью по выкройкам из Парижа», в котором она была и хозяйкой, и основной исполнительницей модных заказов. В ее ателье можно было не только сшить платье по меркам, но и заказать себе наряд прямо из Парижа по картинке из специального модного журнала. Запомнился её рассказ об одной даме, которая, получив платье из Парижа, всегда жаловалась, что оно ей слишком широко в талии. «Придет ее заказ, откроем красивую коробку, развернем платье, упакованное в ароматную бумагу, она его примерит и говорит, что оно ей слишком свободно, нужно заузить. Ей хотелось, чтобы все думали, что ее собственная талия тоньше всех парижских корсетов. С капризной дамой лучше не спорить. Сниму я с нее мерки и говорю, что будет готово через неделю. А когда она уйдет, посмотрю на это платье, да мне и притронуться-то к нему страшно. Такая тонкая работа, рука не поднимается пороть и что-то исправлять. Повисит это платье у меня в шкафу неделю, я что-то незначительно в нём подделаю. Заказчица приходит, примерит и говорит, что теперь оно сидит гораздо лучше».

Другой её рассказ не вызывал доверия, вернее, все считали, что бабушка Евдокия что-то путает. Как-то раз, увидев портрет Надежды Константиновны Крупской, сделанный в ее молодые годы, она заявила, что знает эту даму. Якобы, в Уфе дама приходила в ее ателье заказывать блузку и переделывать платье-амазонку для верховой езды. Крупская и платье-амазонка – не может быть! В нашем тогдашнем представлении жена вождя занималась все время революцией, а верховая езда – это развлечение для праздных барышень!

Уже в перестроечные годы, когда начали писать всякие подробности о жизни наших вождей, о том, что ничто человеческое им было более чем не чуждо, в одном толстом журнале мне попались воспоминания некоего бывшего купца. Он описывал, как Ленин (тогда еще Ульянов), проживая в такой-то период в Уфе, захаживал в его лавку канцелярских товаров покупать писчую бумагу такого-то сорта и в таком-то количестве.

Время воспоминаний купца и прабабки совпадало. Как знать, может, действительно, покупал Ильич в лавке бумагу, писал на ней свои работы «Шаг вперед, два шага назад» или «Что делать?», или произведение с непонятным тяжелым названием «Материализм и эмпириокритицизм». А потом, обсудив с товарищами по партийной ячейке вопросы, связанные с созданием газеты «Искра», они с Надеждой Константиновной, тогда еще Надюшей, одетой в ловко сидящую амазонку, отправлялись на прогулки верхом.

Как бы там ни было у вождей пролетариата, а Евдокия сумела своим трудом обеспечить себе и сыну достойную жизнь и дать ему образование. К сожалению, в жизни не всё зависит от нас самих.

В начале двадцатого века мода отменила дамские корсеты, сделав одежду для женщин свободной. К этому можно было приспособиться. Но далее советская власть покончила с выкройками из Парижа, причем, с прямо противоположным для понятия «свобода» эффектом: Евдокия лишилась своего ателье. В дальнейшем она постоянно жила с семьей единственного и любимого сына Пети, разделяя со всеми лишения и трудности, заданные судьбой.

Она никогда не ворчала, не впадала в истеричное отчаяние с обмороками и головными болями, никогда ни с кем не ругалась. Она была человеком замкнутым и о себе почти ничего не рассказывала. Собственно, при советской власти рассказы о том, как в прежние времена помещица помогла сироте, стали неуместны. Приветствовались сюжеты про патологически злобную помещицу Салтычиху, до смерти мучившую своих крестьян. Или из классики – о другой помещице, властной самодурке, заставившей из вредности утопить бедную собачку Муму.

С женой сына у Евдокии не было теплых отношений, она не одобрила его выбор: «Женился на мужичке!», ворчала бывшая крестьянская девочка, недовольная тем, что её невестка Домна не имела «благородных» корней. Но их отношения всегда были вежливыми и уважительными, Евдокия сумела оценить трудолюбие и терпение невестки.

Да, Домна Георгиевна Гусева была типичной представительницей русской разночинной интеллигенции. Она происходила из простой семьи, отец ее рано умер, и их с матерью содержал старший брат, который работал на фабрике. Домна училась в 1-ой городской гимназии Уфы, все годы была лучшей ученицей и окончила гимназию с золотой медалью. Это давало ей право выбрать по своему усмотрению учебное заведение для дальнейшего образования. Она хотела стать врачом. Но городская дума, финансировавшая для медалистки дальнейшую учебу, предоставила ей только учительское направление.

Домна Георгиевна никогда не жаловалась, но в её воспоминаниях всегда присутствовало сожаление, что её мечта стать врачом не осуществилась. Безусловным достоинством советской власти она считала то, что абсолютно каждый мог получить любое образование по своим потребностям и интеллектуальным возможностям.

– Ну, вот ты же получила образование при царизме, значит, и тогда были какие-то возможности для способных детей, – замечала иногда я.

– Да, я получила образование, но мне хотелось стать врачом, – непременно отвечала она.

– Ты, девочка из бедной семьи, а училась в хорошей гимназии, значит, кого-то принимали и по способностям.

– В гимназию меня приняли, да. Но трудно, как трудно учиться на чужой медный грошик...

Комсомольск-на-Амуре

Строительство города Комсомольск-на-Амуре началось в тридцатые годы в соответствии с государственной стратегией освоения и заселения Дальнего Востока. Не стоит сразу говорить о каторжном труде советских заключенных. Основу города закладывали не они. И в процентном отношении они были здесь не столь многочисленны. Комсомольск с самого начала планировался именно как город, имеющий важное для страны промышленное и географическое значение. Много делалось, чтобы привлечь туда специалистов, и чтобы люди ехали в далёкий край добровольно. Первопроходцами в тайге были именно комсомольцы, а также вольнонаёмные строители, прибывшие сюда на берег Амура по оргнабору на год раньше всех остальных.

Зачем на Дальний Восток поехал по призыву Петр Григорьевич Ахмылин, оставив жену с тремя детьми (полтора, пять и двенадцать лет), а также мать «иждивенку», как тогда называли тех, кому советская власть не считала нужным платить пенсию? На этот счет есть две версии, обе высказанные гораздо позднее того, когда все это случилось.

Первая версия от Домны Георгиевны:

«Он хотел просто сбежать от нас. На Дальнем Востоке он побывал до этого дважды. В первую мировую войну он служил там офицером, а в Гражданскую воевал на стороне красных. Он много знал об этом крае, ему там нравилось. А тут такая возможность, как государственный призыв, он взял, да и уехал».

Возможно, что-то и так. Отношения Домны Георгиевны и Петра Григорьевича были сложными, и в них прослеживается отпечаток времени. Идеи о свободе, о равенстве женщин и мужчин, о материалистической значимости человека на фоне природы, дарвинизм, атеизм – все это влияло и своеобразно преломлялось в бурной незаурядной натуре Петра Григорьевича. Бабушкины объяснения его поступка, навеянные скорее обидами, имеют слабые места. Спрашивается, а зачем он их все-таки вызвал к себе на Дальний Восток? Что бы ему там не радоваться свободе от семейных уз?

Есть и другая версия его старшей дочери Анны (моей мамы):

«Я училась в младших классах школы, мы жили в Уфе. Было очень тяжело, постоянный голод. Мои родители переехали в село, где мать учительствовала, а отца назначили председателем сельсовета. Начал он со свойственным ему энтузиазмом, но быстро осознал, что это не его. Его, человека склонного больше к собственной инициативе, чем к строгой дисциплине, многие обязанности тяготили. Он не был членом партии, но был обязан выполнять соответствующие его должности предписания, связанные, как правило, с какими-то принудительно-насильственными мерами. Я помню, как в нашем селе закрывали церковь. Собралось много народа, все стояли и с деревенским любопытством смотрели, как два человека, приехавших из города, грузили на телегу церковное имущество. Конечно, отец как председатель сельсовета присутствовал при этом и чем-то руководил. Он, как многие, кто в те годы изучал в университете естественные науки, был атеистом. Но даже он, сам, не ходивший в церковь, ужаснулся неожиданному святотатству иных сельчан, начавших выбрасывать иконы из своих домов. Он громко прикрикнул на мальчишек, которые, похватав крупные иконы, стали съезжать на них, как на досках, со снежной горки. (Прости, Господи, люди твоя! Сами не ведают, что творят.)

В это время по стране в деревнях шла коллективизация и массовое раскулачивание. Людей выгоняли из своих домов и отправляли целыми семьями в Сибирь. Очевидно, отец хорошо знал, что все это неотвратно приближается к нашему селу. Но уж в этом-то он участвовать никак не мог! Бросил свой сельсовет и подался на Дальний Восток. Уехал он действи-

тельно неожиданно, ничего толком не объяснив. Коллективизация началась меньше, чем через месяц после его непонятного отъезда. Летом он прислал вызов нам».

Хозяйственное и культурное обустройство Дальневосточного края определилось в 1930 году специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР. В селе Пермское на левом берегу Амура было решено построить судостроительный завод, а в районе нанайского стойбища Дзёмги – возвести завод авиационный.

Первый эшелон рабочих-строителей и инженерно-технических специалистов прибыл на стройку Амурского судостроительного завода на двух пароходах 10 мая 1932 года, а в декабре этого года село Пермское Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края по постановлению ВЦИК было преобразовано в город Комсомольск-на-Амуре.

Ахмылины приехали на Дальний Восток, когда там на основе нескольких деревень начали строить город Комсомольск-на-Амуре, и с этим краем связана вся их дальнейшая жизнь. Село Нижняя Тамбовка было частью большой стройки. В бараках и сельских домах жили не только селяне, а также люди, прибывшие возводить новый город.

Пётр Григорьевич был директором большой школы, где днем учились дети, а вечером продолжали свое образование взрослые. В Нижней Тамбовке располагалась больница, детдом и клуб. Домна Георгиевна вела уроки в школе и работала в детском доме. Для жилья им была предоставлена сельская изба с землей для огорода. Они все почему-то мало вспоминали этот период.

Можно уехать далеко-далеко, но от судьбы, как говорится, не уйдешь.

За Петром Григорьевичем пришли в школу и взяли его прямо с урока, шел 1938 год. Домну Георгиевну через два дня уволили с работы как жену «врага народа». Явились домой с обыском. Что могли найти рьяные опричники сталинского режима в бедном с материальной точки зрения деревенском доме, где жила учительская семья?! Однако нашли. И конфисковали. Объектом конфискации стали книги из серии «Библиотека всемирной литературы», издаваемой по инициативе Горького. Книги Домне Георгиевне недавно прислали из Москвы. Она получила их как подарок-награду от наркома просвещения, о чем свидетельствовала собственноручная дарственная надпись наркома на первом томе, а также его факсимиле на каждом последующем.

Потерявши голову, по волосам не плачут. Утрата книг была не главной трагедией в сравнении с тем, что ожидало семью дальше. Старшую дочь Анну, уже студентку хабаровского медицинского института, собирались выгнать из института как «дочь врага народа», но ограничились тем, что на комсомольском собрании исключили из этой организации. Это было не полной мерой возможного наказания за отца. Ей повезло, так как в это время вышел указ, что сын (дочь) за отца не ответчик.

Через свою подругу-красавицу Веру, имевшую в поклонниках какого-то начальника из «органов», Анна пыталась выяснить что-нибудь об отце. От этого ответственного лица Анна получила доверительный совет, от которого содрогнулась: «Ничего не предпринимай, погубишь всю семью. Все равно ничего не выяснишь. У тех, кто работает в „органах“, свои обязанности. Есть планы и проценты, которые они должны выполнять».

Так что про планы и проценты Анна узнала еще до того, как начали развенчивать культ личности и разъяснять народу механизм репрессий.

Домне Георгиевне с двумя младшими детьми и свекровью жить, не имея работы, было совершенно не на что. Уехать некуда, да и невозможно. Перебивались кое-как со своего огорода. Дошли до голода и полного отчаяния. «Давай, Доня, натопим печь на ночь, да закроем

заглушку. Уж очень детей жалко, как они мучаются». Как же испугали Домну такие слова верующей свекрови! «Молитесь лучше за всех за нас!» – ответила она ей.

Что же помогло: молитвы бабушки Евдокии (она всю жизнь была очень религиозна) или то, что Домна Георгиевна в соответствии с модными веяниями своей молодости не взяла фамилию мужа, а осталась и в замужестве Гусевой. Через несколько месяцев ее вызвали на работу. В конце концов, ведь должен был кто-то в далеком краю в тяжелых условиях учить детей! Никаких сведений о том, где Ахмылин, что с ним, они не имели.

Как сложились обстоятельства у Петра Григорьевича, можно узнать из его письма, написанного им спустя двадцать лет его коллеге и другу Василию Степановичу Семенову, также прошедшему жернова ГУЛАГа. Это письмо на двенадцати тетрадных страницах, где в свойственной дедушке ироничной манере рассказано о прошлом, а также ещё одно – ответное письмо Василия Степановича хранились у моей мамы в семейном архиве в отдельной папке. Написаны оба письма уже после того, как народу объяснили и про проклятый «культ личности Сталина» и про злодея Берию, и когда стало возможным разыскивать своих родных или пытаться что-то узнать об их судьбе.

Теперь эти письма у меня. Вот они:

Комсомольск, 30 марта, 58 года

Дорогой Василий Степанович!

Привет, привет и еще раз привет!

Отвечаю на твое январское письмо. Вот моя краткая биография за период от Хабаровской тюрьмы, куда я попал после ареста, до сего дня. Из тюрьмы отправили меня этапом на пароходе, очень комфортабельно: с охраной у дверей и окон. Представь себе мое удивление, когда нас высадили на пристани... в нашем Комсомольске. Встреча со знакомым городом была очень теплой: кругом оцепление и свора собак. Пока нас считали, проверяли, вели по городу, совершенно стемнело. И конвой и мы сбились в единую толпу. Не разберешь, кто кого ведет. Шли от города 9 км. Ночью разместили нас всех в один барак, при проверке все оказались на лицо. На другой день нас покормили (не каждый же день есть!). Через два дня отправили небольшую партию (и меня в том числе) пешком по насыпи с не проложенными шпалами и рельсами за 50 км. от города. Ночевали в пути. На новом месте шла отсыпка насыпи, валка леса и другие работы. Нормы я выполнять не мог, поэтому питание мое было очень скудным. Я вскоре заболел цингой, и меня отправили в лазарет. Лечение было примитивным, залечивали в основном язву на ноге. Зимой меня направили в колонну выздоравливающих, и мне по счастливой случайности удалось попасть в бригаду бетонщиков. Я грел воду в котлах, имея готовые дрова, и даже снег в котлы загружали отдельные рабочие. Все было бы хорошо, и получал бы я стахановский паек, но у меня в «личном деле» была отметка: КРТД. Что означает – контрреволюционная троцкистская деятельность. Почему такая отметка, не знаю. В процессе следствия и суда об этом и разговора не было. С такой кличкой на праздники 1 мая и 7 ноября меня сажали в карцер со штрафным пайком. 7 ноября я запротестовал и отказался выходить на работу. Сидел до 9 ноября. Было холодно, в щели задувал снег, но я держался. Не знаю, чем бы кончился мой протест, если бы не дело случая. Еще раньше, до этого, я заболел на работах. Конвоиру принесли обед, и он сказал рассыльному: «Забери эту пададь, а то еще сдохнет здесь». Меня повели в колонну. Конвой шел впереди, я сзади. В кювете при дороге я заметил газету, осторожно, крадучись, подобрал и спрятал в штаны. В бараке развернул её, стал читать, и на первой странице увидел знакомые лица с надписью «лучшие учителя школы N 17». Среди них была моя жена. Так я узнал, что мои близкие не арестованы вслед за мной.

В лагере, как ты знаешь, командный состав из воров и казнокрадов. Один такой экспедитор расконвоированный взялся доставить родным мое письмо. Он это сделал и моя семья,

наконец, узнала, где я и за что. Мать после получения моего письма решила повидать меня лично. И вот во время моего ноябрьского протеста, сидя в карцере, я увидел через щель между бревнами, как брела моя мать по снегу. Вот это и послужило для меня переломом. Свидания, конечно, не дали. Но я её видел, и из карцера вышел. Даром мне этот протест не прошел, меня направили в штрафную колонну, а с ней на Колыму. Рассказывается все быстро, но это был уже май 1940 года. К этому времени я побывал на многих работах: на отсыпке насыпи, на укладке шпал, на корчевке леса. Был плотником, сапожником. Когда везли на поезде, вдруг на одном из перегонов на станции звякнул замок, вагон открылся и раздался вопрос: «Бетонщики есть?» Я же был раньше в бригаде бетонщиков, почему бы мне и не стать бетонщиком? «Есть!», отвечаю я. «Выходи!». Так меня отправили обратно, не доехал я до Колымы. Когда я был в стахановской бригаде бетонщиков, я видел, как кладут камень с бетоном. Не так уж много надо было иметь сноровки. При некотором соображении плюс нахальство, и из меня получился десятник по бетону. Но долго побыть им мне не пришлось. Вдруг пришло определение Верховного Суда СССР: «Дело за отсутствием состава преступления прекратить. Обвиняемых Зварковского и Ахмылина из-под стражи немедленно освободить». Определение Суда было датировано 25 февраля, и меня «немедленно» освободили 25 июня. А Зварковского нашли на Колыме годом позднее.

После освобождения ехать в Нижнюю Тамбовку я отказался. Не хотелось сталкивать лицом к лицу со «свидетелями по моему делу». Я стал преподавателем в Комсомольском судостроительном техникуме, довольно крупном учебном заведении на Дальнем Востоке. Сейчас вышел на пенсию. Получаю 633 рубля и живу большей частью в 35 км от города, где имею пчел и столярную мастерскую. В город приезжаю редко, раз в месяц, а то и в два. Жена тоже получает пенсию, но работает. Она имеет Орден Ленина, значок «Отличник народного просвещения», звание Заслуженная учительница. Получает пенсию 734 руб.

Ну, я расписался! Думаю, ты на меня за это сердит не будешь. Вот уж встретимся и наговоримся! Если это удастся, то берегись – раздавлю в своих объятьях.

Твой Петр

Приведу здесь и ответное письмо Василия Степановича Семенова, написанное перьевой ручкой на тетрадных листках:

Дорогой друг, Петр Григорьевич!

Сегодня получил твое письмо, что со мною сделалось! Все, из чего часть забыл, а остальное постепенно тоже забывается, вдруг воскресло. И стало так жаль всего. А главное, появилось сильное желание увидеть своих настоящих друзей. У меня их было немного. А осталось, и того меньше. Ты, Петр Григорьевич, занимаешь самое первое место! Я потерял всякую надежду узнать о тебе что-нибудь, и вот вдруг через 19 лет, разделяющие нас, это письмо! Прочитав, я был готов лететь к вам, если бы это было возможно. А как захотелось поговорить, посидеть с твоей семьей. Да что поговорить, я бы хотел жить рядом с вами. И это общение принесло бы мне некоторое утешение взамен многого утраченного. Как мне согревают душу воспоминания!

Да, Петр Григорьевич, тебе против меня повезло. Я прошел все стадии, а тебе пришлось испытать только половину. И, слава Богу!

Дорогой Петр Григорьевич! Если можешь, ответь на мои вопросы. Не знаешь ли ты, как сложилась жизнь Борзовой Лизы, она была учительница первых классов. Я ее любил. Что с ней?

После моего ареста моя комната осталась без надзора. Не слышал ли ты от людей, куда ушло все содержимое? Говорить о вещах – глупость. Не они меня интересуют. У меня были хорошие фотографии отца и матери. Может, они сохранились каким-то чудом.

Теперь о себе. В 1946 году меня освободили, и я снова стал гражданином. Гражданином с паспортом, но без диплома и без права выезда из сибирского города Мариинска. На работу

не принимают. Как скажешь какому-нибудь директору школы, что сидел по 58 статье, так словно удар обухом по голове. Так я ходил от одного к другому, проживая деньги и доедая свой лагерный хлеб, что выдали мне при освобождении. Был сентябрь, погода на мое счастье теплая. Стал я ходить спать около одного болота. Так жил месяц. Но вот у меня все кончилось, и деньги, и еда. Что делать? Пошел я в органы, какие, ты догадываешься. Там мне ответили, что они не дают рекомендаций на устройство. Вернулся я опять к своему болоту в камыши. Есть хотелось, и пошел я в поле накопать себе пустой картошки. Скажу честно, я не прятался, когда воровал картошку. Даже хотел, чтобы меня осудили вновь. Там все-таки крыша над головой и какое-то питание. Но ничего не случилось. Так на картошке без соли я прожил еще 20 дней. Днем я ходил по городу. Однажды мне вдруг пришла мысль заработать рисованием. На заборе висела старая афиша, я сорвал ее. С обратной стороны она была чистая. Усевшись на тротуаре, я стал предлагать прохожим нарисовать их углём. Кто-то согласился. Это было время выборов. Один полувоенный гражданин обратил внимание на мое рисование и предложил мне нарисовать портрет депутата – звеньевую из одного сибирского колхоза. Я согласился с радостью и с жаром отдался работе. Портрет был готов, мне заплатили хорошо, но не деньгами, а продуктами. Я сказал своему благодетелю, что не могу принять такую плату, так как живу на болоте, и все это у меня там пропадет без пользы. Это решило мою судьбу. В тот же вечер я был вызван к управляющему местным межрайторгом, и от него я получил работу. Мне дали помещение, которое до этого пустовало, и я открыл в нем художественную мастерскую. Некоторое время работал один, затем довел мастерскую до 12 человек. Начальство было довольно моей работой, а заказчики всегда в восторге. На работе через клиентов мои знакомства расширялись. Слух о нашей художественной мастерской дошел до Новосибирска (наш областной центр). Меня пригласили в Новосибирск и предложили расписать вокзал. Я согласился и со своей бригадой целый год работал над росписью вокзала. Это очень громадное здание. Нам хорошо заплатили. Лично я получил тогда 68000руб. Я стал походить на человека. Купил себе дом, женился. Жена у меня – инженер. Она была выслана из Москвы и в войну работала на одном эвакуированном заводе. После, когда завод вернулся из Сибири, она получила назначение на один из заводов в Пензенской области. Так вместе с ней я оказался там, где сейчас живу. Работаю не учителем, а художником. Иногда преподаю на курсах по подготовке в ВУЗ. Теперь, дорогой Петр Григорьевич, я опять «чистый» человек, т.е. я и грязным никогда не был, это меня сделали таким по бумагам. Меня теперь полностью реабилитировали. Прислали мне мой диплом об образовании. Весь срок записан как трудовой стаж.

Живу я теперь в хорошей квартире со всеми удобствами. У меня двое детей: сыну 9 лет, а дочке два года.

О себе пока хватит. Большой привет Домне Георгиевне!

Пиши, Петр Григорьевич! Всегда отвечу.

Не стану анализировать обстоятельства, связанные с ГУЛАГом.

Писатели Шаламов, Домбровский и, конечно, Евгения Гинсбург сделали это блестяще художественно и убедительно документально.

В нашей семье эта тема была обсуждаемой и важной. Позднее вспоминали и библиотеку Домны Георгиевны, конфискованную в 1938 году. За что же все-таки «арестовали» и Пушкина и Толстого? Бабушка всегда находила простые объяснения: «Кому-то из начальников захотелось иметь эти книги у себя». Моя мать была склонна видеть политический подтекст: «Кто-то из авторов, включенных в эту библиотеку, был запрещен. Все время появлялись списки запрещенных писателей. Особенно поэты им были не по душе».

Но кто именно из писателей или поэтов заставил все прочих, включенных в «Библиотеку мировой литературы», одобренную Горьким, оказаться в темном подвале спецхрана или сгореть в уничтожающем костре? Ответ нашелся в годы перестройки и гласности. Нарком просве-

щения Бубнов Андрей Сергеевич, от имени которого Домне Георгиевне была подарена библиотека, и чья личная подпись стояла на одном из томов и факсимиле на прочих, был сам ко времени ареста Ахмылина уже не только арестован, но и расстрелян. Из-за его подписи и не пощадили мировую литературу.

Андрей Сергеевич Бубнов имел яркую революционную биографию, насыщенную активной деятельностью во имя светлого будущего человечества. Широта его партийного кругозора определялась опытом его борьбы. С 1929 по 1937 год – он Нарком просвещения. Занимался ликбезом, обеспечивающего ликвидацию массовой безграмотности народа. Нарком ратовал за обязательное начальное образование, а также за необходимый определённый уровень политехнического образования. Способствовал созданию издательства детской литературы. В 1937 году он был арестован за антисоветскую деятельность, приговорён как «немецкий шпион» к смертной казни. Расстрелян и захоронен на полигоне «Коммунарка». В марте 1956 года реабилитирован и восстановлен (посмертно) в партии.

В 1984 году была выпущена почтовая марка СССР, посвящённая Бубнову.

Моя мать всегда восторгалась своим отцом, говорила, что он был человеком увлекающимся и незаурядным, и в увлечениях добивался многого. Пётр Григорьевич очень любил природу, блестяще знал животный и растительный мир Дальнего Востока. Тайгу он выучил настолько, что запросто водил в походы своих студентов и даже иногда шел по тайге в качестве проводника с геологами. Он был членом Всероссийского географического общества. Большая часть населения нашей страны, как в довоенный период, так и позднее жила или, правильнее сказать, выживала за счет личного подсобного хозяйства. Люди старались по возможности иметь огородик для собственной картошки или сарайчик, чтобы держать кур и поросенка. Может быть, отсюда неистребимая любовь народа к дачам, где всегда что-то выращивают, сеют и сажают.

Огородик и сарайчик были и у наших дальневосточников. Пётр Григорьевич выращивал картошку и необыкновенно крупный золотистый лук, что было очень важно для Дальнего Востока с постоянной нехваткой витаминов. Был период, когда он увлекся курами, где-то раздобыв особые разновидности. В сарае, где топтались куры, вышагивал и гордый красавец петух с большим пышным разноцветным хвостом.

Бабушка держала козу Белку как кормилицу для меня, так как я иногда подолгу жила у них. Был и козел по имени Яшка, который, видимо, неплохо справлялся со своими природными обязанностями, так как у Белки бывали и козлята, и молоко. Яшка свободно гулял по округе, Белку тоже не всегда ограничивали домашним режимом. Она очень любила бабушку и ходила всюду за ней как собака, даже встречала ее после работы. Школа была не так далеко, коза знала дорогу и каким-то образом чувствовала время окончания уроков. Она знала также окна класса Домны Георгиевны на первом этаже двухэтажного здания. Придя к школе, Белка сначала просто стояла, а затем, когда ей начинало казаться, что время ожидания затягивается, подходила к окну, забиралась передними ногами на низкую завалинку и к большой радости учеников заглядывала в класс. Увидев свою хозяйку, она громким блеянием призывала ее идти домой.

В 1938 году Сергей Герасимов снял фильм «Комсомольск» о героической советской молодёжи, строившей на Дальнем Востоке новый город. Сцена из фильма: парень и девушка идут по таёжной просеке, и девушка говорит парню:

– Пока здесь ничего нет, но скоро появится город. Вот здесь, например, будет проспект Ленина.

Многие кадры режиссёр снимал натурально на месте. И молодые герои его фильма на самом деле шли по просеке, где в дальнейшем должен был возникнуть широкий проспект. Однако планы такой застройки начали осуществляться только в конце сороковых годов после окончания войны.

Домне Георгиевне, как одной из первых получившей на Дальнем Востоке Орден Ленина, дали в новом доме большую комнату с двумя окнами, выходящими на проспект Ленина.

С сельской жизнью было покончено. Домна Георгиевна, Петр Григорьевич и бабушка Евдокия зажили с невиданным комфортом: отопление, канализация. «Но самое главное – это комната ванная! Удобней, чем земля обетованная» – постоянно цитировали они стихотворение Маяковского. Над огромной белой ванной нависали два медных крана, из одного при повороте вентиля гулкой сильной струей била холодная вода, а их другого – кипятик, сразу же наполнявший помещение ванной комнаты облаками пара.

«В рубашку чистую – влазь! И думаю: – Очень правильная эта наша советская власть». – Это стихотворение Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» все знали наизусть.

Когда меня привозили к ним из Советской Гавани, мне нравилось подниматься и спускаться на гулком лифте, но еще больше нравилось сидеть в комнате на широком подоконнике и смотреть на широкий проспект с высокими домами, на спешащих куда-то людей, на проносившиеся машины. Особенно в дождливую погоду: зонты, плащи, и звуки от шуршания шин по мокрому асфальту. Это настраивало на задумчиво-лирический лад, и я даже сочинила песню, которую любила напевать сама себе: «Окошки, окошки, окошки глядят, / Колёса, колёса спешат...»

И тут в многоэтажном доме Пётр Григорьевич приспособил к подоконнику свой первый улей. Позднее пчёлы стали главным и самым успешным жизненным увлечением Петра Григорьевича. Он построил в дальневосточной тайге хорошую пасеку. Но первый свой улей он обустроил именно здесь на главном проспекте города! Безграничное творческое трудолюбие!

Среди тех, кому предоставили жилье в огромном престижном доме на главном проспекте, было немало больших чинов из НКВД. Домна Георгиевна с большой осторожностью относилась ко всякому начальству, а с этими людьми предпочитала держать дистанцию. Комнату напротив в их коммунальной квартире занимал одинокий мужчина, постоянно, находившийся в разъездах. А за стеной в двух смежных комнатах поселились соседи, с которыми Ахмылиным не повезло. У соседей был сын-подросток, которого они постоянно громко ругали и даже били. Все семейство, когда было в сборе, ругалось между собой. Активной участницей всех семейных склок была мать соседа.

Зинаида Власьевна пребывала в постоянной боевой готовности разоблачить всех и поставить каждого на свое место, определяемое ею.

– Вот Вы, Домна Георгиевна, учительница, – говорила она напряженно обличительным тоном, словно, уже фактом своей профессии та была чем-то виновата перед ней. – Вот Вы учительница, а я в молодые годы на пристани мешки носила.

В этой фразе было столько упрека, словно, Д.Г. лично, в давние года взвалив на бедную девушку тяжелые обязанности, сама наслаждалась жизнью.

– У меня головные боли, – жаловалась она бабушке, – а врачи ничего не находят.

В адрес врачей следовали также неодобрительные высказывания и обвинения.

В эти годы моя прабабушка Евдокия была уже сильно немолодой и довольно замкнутой особой. Жизненные потрясения и полная утрата благополучного социально-материального положения не способствовали изменению её характера в лучшую сторону, и ей пришлось сми-

риться с нищетой, в которой она оказалась. Она попала в категорию «иждивенка», так обозначались люди, которым государство не выплачивало пенсии. Услышав в очередной раз обвинение-брюзжание в адрес врачей, которые «ничего не находят», она неожиданно заявила соседке да таким тоном, как если бы барыня выговаривала холопке:

– Тебе нужно от бескультурья полечиться, тогда и голове легче станет. У тебя в ней все трещит от крика и злости. Так и удар может хватить. Если научишься здороваться и говорить «спасибо» и «извините», то обязательно полегчает.

Услышав от всегда замкнутой Евдокии Николаевны такой диагноз и рекомендации, Зинаида опешила.

– А что мне здороваться? В квартире я всех постоянно вижу, и что теперь каждый раз «здравствуйте»? А спасибо мне некому и не за что говорить! – но все это было сказано на несколько тонов ниже обычного уровня скандальности.

Да, Евдокии Николаевне, очевидно, её давнишние капризные заказчицы, желавшие иметь тонкую талию, были симпатичнее, чем бывшая грузчица из приволжской деревни. Что касается Петра Григорьевича, то он по манере соседей разговаривать даже друг с другом подавляюще приказным тоном и еще по каким-то чертам их поведения, к сожалению, знакомым ему по прошлому лагерному опыту, заключил, что сосед и его жена служат не в аппаратной структуре органов, а имеют отношение к тюрьме.

– Привел мне Бог поселиться под одной крышей с вертухаями, – иронизировал он.

Вертухаями лагерные заключенные называли надзирателей.

Впрочем, Пётр Григорьевич мало бывал дома. Все каникулы и отпуска он проводил в походах по Дальневосточному краю, а позднее, выйдя на пенсию, соорудил в тайге пасеку, которой с увлечением занимался все ещё отпущенные ему жизнью годы.

К своему семидесятилетию Домна Георгиевна получила, наконец, отдельную однокомнатную квартиру. Важное событие! Она была тронута и горда таким подарком со стороны власти. Но Пётр Григорьевич все равно предпочитал жить в тайге. В город приезжал получать пенсию. Купив необходимое, с легкостью тратил оставшиеся деньги на выпивку, всегда огорчая жену своими двумя или даже тремя запойными днями.

– Доня, не расстраивайся, – успокаивал он жену, – я пью только с друзьями.

А с кем мне в тайге выпивать? С пчелами или с таёжным медведем? Он хоть и охоч наведаться на пасеку, но не пьющий.

Он рассказывал также о медведице, которая, заявляясь на пасеку, умело вскрывала понравившийся ей улей. Она была аккуратна и спокойно брала лапой из улья мёда ровно столько, сколько ей было нужно. Пасечник не прогонял её. Ведь медведица, как таёжная хозяйка, могла рассердиться и в гневе разорить всю пасеку.

У моей мамы и ее младшей на восемь лет сестры, моей любимой тети Вали, совершенно разные по эмоциональности воспоминания об отце.

Анна:

– Отец мог за одну ночь написать для школьной самодеятельности пьесу по какой-нибудь книге, что ребята учили в школе, и потом поставить с ними этот спектакль. Он со всеми легко общался и умел оставаться жизнерадостным человеком.

Валя (с оттенком осуждения):

– С кем он только не пил! А ведь их с мамой в городе все знали, они были на виду. Мать – заслуженная учительница, он сам – завуч в техникуме. И что же: то он пьет с каким-нибудь начальством, то с кем-то из местной городской богемы. А то и с истопником котельной спустит все деньги на выпивку.

Анна:

– Выпивать отец начал уже после войны. Но тогда многие в это ударились. До войны пили меньше. С людьми он со всякими общался. Но стукачей и предателей не переносил.

Валя:

– Какое-нибудь торжественное мероприятие в городе, и конечно, их обоих обязательно приглашают. Мать сидит в президиуме, а отец в это время с кем-то в буфете выпивает.

Анна:

– Какой он оборудовал в техникуме химический кабинет, такого у нас и в мединституте не было! Будучи натурой артистичной, так умел опыты демонстрировать, словно фокусы показывал. Студенты их хорошо запоминали.

Среди перечня обид, высказанных младшей дочерью в адрес отца, прозвучало и имя Фенька. Фенька, местная деревенская оторва, то ли просто какая-то шалава. Пётр Григорьевич исчез из дома на сутки или двое и был замечен, (ладно бы кем-то посторонним, а то, как, на зло, именно младшей дочерью, находившейся в раннем подростковом возрасте) плывущим в лодке по Амуру, с этой самой Фенькой.

Но не будем никого судить. В конце концов, феньки, мурки, фиолетты и разнообразные дамы с горностаями (и без) всегда найдутся. Для чего? Посылаемое искушение-испытание? Необходимость оторваться и забыться? Внести в жизнь разнообразие лихим загулом? Выражаясь поэтично, «я в весеннем лесу пил березовый сок, я с певуньей в стогу ночевал», или по-другому, вроде как, «а я кручу напропалую с самой ветреной из женщин, я давно хотел такую, и не больше, и не меньше».

Никого судить не будем. Пусть каждый сам решает и отвечает за себя. Не наше дело выносить приговоры, глядя на это со стороны сквозь объемную призму времени.

Некоторую объективность в весьма противоречивые суждения сестер внесет мнение писателя-дальневосточника Г. Хлебникова. Приведу несколько отрывков из его газетной статьи под заголовком «Ахмылин, с вещами!», написанной в начале 80-ых годов уже после смерти деда.

«В конце сороковых годов в редакцию пришел пожилой мужчина с буйной курчавой шевелюрой и такой же курчавой окладистой бородой. Он посмотрел на меня ясными мудрыми глазами и представился:

– Петр Григорьевич Ахмылин. Прошу любить и жаловать. Преподаватель политехнического техникума. Вот, свою повесть принес, почитайте.

Так я познакомился с интересным человеком, жизнь которого тесно связана с Дальним Востоком. Ахмылин оказался большим любителем природы. Об этой его приверженности свидетельствовала и его повесть о собаке. Через много лет такая же примерно повесть была написана писателем Троепольским – «Белый Бим Черное ухо».

На протяжении многих лет я был знаком с этим образованным и много знающим человеком. Он был активным краеведом и непременным членом совета при краеведческом музее, состоял во Всероссийском географическом обществе. Общение с ним обогащало. Но близко я познакомился с ним, когда стал заниматься пчелами. У нас была пасека вблизи станции Мармыж, здесь держал свои ульи и Петр Григорьевич, оказавшийся опытным пчеловодом.

– Откуда у Вас такое знание пчел? – спрашивал я.

– Да ведь я из Башкирии, голубчик. А у нас всегда было отменное пчеловодство.

Постепенно из бесед с Ахмылиным я узнавал факты его незаурядной биографии. Как еще до первой мировой войны учился, как воевал, как перешел на сторону революции и участвовал в разгроме интервентов на Дальнем Востоке. Был отмечен наградами, в том числе и именным оружием. А когда гражданская война окончилась, Петр Григорьевич и его молодая жена Домна пошли на фронт культурный – начали учительствовать.

Как-то мимо нашей пасеки шел поезд. Один из вагонов имел зарешеченные окна. Мы с Ахмылиным стояли, ожидая прохода состава. Проводив взглядом ушедший поезд, Ахмылин проговорил:

– С решетками вагон, столыпинский. Так его раньше звали. И я в таком вояжировал.

Видя, что я удивлен его признанием, он продолжал:

– Да, брат, возили меня в таком. В 1938 году. Весной того года по селам и городам Приамурья прокатилась волна арестов. Сталинские репрессии в полную силу стали проявляться и на дальней окраине страны. Была команда искать «врагов», их и искали. Сотрудники НКВД взяли меня прямо с урока. Обвинения смехотворные: участник диверсионной японской группы. Избивали, все было.

Моя мать обращалась к Калинину, подавала «старосте» прошение о помиловании меня. Не знаю, как складывались обстоятельства, очевидно, это совпало с проведением кое-каких реабилитационных мер и некоторым ослаблением репрессивной вакханалии, но меня в 1942 году освободили.

На всю жизнь запомнил я злобный окрик надзирателя лагеря:

«-Ахмылин, с вещами!» Это тогда означало, что человека уводят на расстрел. Какие у меня вещи... Я вышел с пустыми руками...»

После такой исповеди я с большим уважением начал относиться к этому человеку. После испытания тюрьмой более тридцати лет прожил учитель, интеллигент, гражданин Петр Григорьевич Ахмылин, принесся много пользы людям, своему Отечеству. Во многих городах страны живут и трудятся сотни его бывших учеников.

Вместе с ним прошла всю жизнь и его жена Домна Георгиевна Гусева. Она первой в Комсомольске-на-Амуре была награждена орденом Ленина, несколько десятилетий учила детей великому русскому языку».

Пётр Григорьевич и Домна Георгиевна

В деревянной шкатулке, где моя мама хранила письма, собраны и вырезки из различных газет о бабушке и о дедушке. Их жизнь, если описывать ее схематично, давала для тогдашней советской журналистики благодатный материал.

Корреспондент «Известий», центральной московской газеты, описывает, как будучи в командировке на Дальнем Востоке, он случайно оказался в селе Нижняя Тамбовка и попал на лекцию о Пушкине, которую в переполненном Доме культуры читала сельская учительница русского языка Домна Георгиевна Гусева. Он поражен уровнем лекции, все это могло прозвучать и в какой-нибудь столичной аудитории.

Другой корреспондент уже дальневосточной газеты рассказывает читателям про новый фильм о Дальнем Востоке. Фильм начинается с кадров, на которых старый пасечник с кудрявой седой бородой Петр Григорьевич Ахмылин говорит о том, какой это благодатный и замечательный край и какие чувства его охватывают от сознания того, что все это наша родина.

Да, дедушка вполне мог так говорить и чувствовать.

Вот заметка о том, как Домну Георгиевну награждают орденом Ленина, в те годы самой высокой правительственной наградой.

Вот приуроченный к какой-то дате рассказ о первых строителях города Комсомольск-на-Амуре, ссылка на воспоминания Ахмылина Петра Григорьевича, похоже, он знал всех, и его все знали.

Быт, человеческие и семейные отношения оставались за строчками этих заметок. Но если многие события жизни Петра Григорьевича и Домны Георгиевны, их личные взаимоотношения, а также их совершенно разное восприятие действительности и взгляды на жизнь рассмотреть с точки зрения сегодняшних жанров, то всего этого, да к тому же на фоне дальневосточного пейзажа, вполне хватило бы и на захватывающий сериал.

Я думаю, Домна Георгиевна всегда любила своего мужа, хотя он давал ей много поводов для обид. Да что говорить, Петр Григорьевич не был человеком домашним. Возможно, ему всегда хотелось большего, чем предоставлялось жизненными обстоятельствами. Возможно, ему следовало стать путешественником-ученым или путешественником-писателем. Я легко представляю его себе и на Памире, и в лесах Амазонки. Он был крепкий и выносливый человек, к тому же любознательный, наблюдательный и весьма ироничный. Но жизнь – это то, что есть, а не то, что могло бы быть: он был директором сельской школы, преподавателем техникума, таежным проводником и просто пасечником. Да и пасека являлась для него не только занятием по производству меда, тут было и увлечение, и эксперимент, и даже духовное отшельничество на фоне единства с природой.

В бытовых моментах Петр Григорьевич отличался невероятной рассеянностью. Он постоянно терял перчатки и шапки, забывал где-то галоши. «Рассеянный, как дед Ахмылин», – говорила про кого-нибудь забываху Домна Георгиевна. Химическим карандашом она вписывала его фамилию на подкладку шапки или галош, чтобы друзья и многочисленные приятели могли вернуть ему забытое.

Рукопись его книги, о которой упоминает журналист-дальневосточник, тоже оказалась утраченной. Пётр Григорьевич утверждал, что её у него украли. Но его жена считала, что он сам, изрядно выпив с друзьями, где-то позабыл своё произведение. Заново он писать не стал.

Свою жену Пётр Григорьевич находил слишком простой, без полета фантазии. Он был несправедлив, ей и не нужен был никакой особенный полет, она постоянно была занята работой и заботой о других. Кроме того, Домна Георгиевна скрыто придерживалась толстовства, т.е. философско-этических взглядов Льва Толстого. И принцип – непротивление злу насиланием – был главным в её отношениях с людьми. Окружающим Домна Георгиевна внушала какое-

то неимоверно почтительное уважение. Она отличалась культурной сдержанностью, никого не ругала и никогда не выходила из себя. Меня она учила сдержанности:

– Кричать нельзя. Особенно на детей. Бывало, войдешь в класс и вдруг уловишь общее хулиганское возбуждение. Сейчас они обязательно что-то устроят! Мои нервы напрягаются. Подойду я к окну, гляжу молча во двор и считаю про себя, один, два, три, четыре... Постепенно и дети затихают, и я справляюсь с собой.

К старости каждый из них, очевидно, смирился с тем, каким являлся другой и, научившись уважать разные жизненные взгляды друг друга, они стали очень близкими друзьями.

Наша семья после перевода папы с Дальнего Востока на Чёрное море, жила в Керчи. И бабушка каждое лето приезжала из Комсомольска к нам в Керчь. Она обязательно писала из Крыма письма на Дальний Восток и, конечно, получала ответы. Однажды, когда ей пришло письмо от деда, я обратила внимание, что оно её как-то взволновало. Случайно я увидела на столе распечатанное письмо, что-то подстегнуло моё подростковое любопытство, и я прочла его без разрешения. Речь шла о делах на пасеке, сообщалось что-то об общих знакомых, описывалась тайга... В общем, обыденные вещи... Но как интересно эта повседневность была описана! Больше всего меня тронул тон письма, казалось, это было какое-то совершенно интимное послание, доверительный рассказ очень близкому человеку. И поразила концовка: вместо традиционного «целую», я прочла: «Дорогая Доня, дорогой мой друг, крепко жму твою руку!»

Бабушке уже 85 лет, она уже постоянно живёт у моих родителей в Керчи. Она плохо видит, много сидит в кресле и читает только одного писателя – Тургенева, которого, впрочем, знает почти наизусть.

– Ах, мой милый, милый, Дальний Восток! Увижу ли я тебя еще когда-нибудь? – иногда вздыхает она...

Мама приносит ей небольшую книжечку в мягком переплете, популярный жанр «про шпионов».

– Почитай. Здесь всё действие происходит в тайге, вот вспомнишь Дальний Восток.

Бабушка читает медленно из-за начинающейся катаракты. Что-то задевает её в этой книжечке.

– Аня! Так это же Петина книга, которую он потерял!

– Разве отец писал про шпионов?

– Конечно, это не совсем его книга. Про шпионов он не писал. Но и тайга, и проводник с собакой – всё написано им. Я хорошо помню его страницы, я читала, он мне показывал. Потерял он, наверно, свою рукопись, а кто-то нашел и воспользовался. Получается, действительно, украли у него, как он и предполагал.

Больше всего Домну Георгиевну возмутило то, что проводник, заимствованный из чужой рукописи и напомнивший ей самого автора той потерянной рукописи, был выведен в книжке отрицательным персонажем. Он вёл по таежным тропам вражеских диверсантов, а его, конечно, разоблачал зоркий отважный пионер.

Мне жаль, что эта книжонка со временем куда-то затерялась из маминой обширной библиотеки.

В День учителя Домна Георгиевна получала много поздравлений. Приходили телеграммы с Дальнего Востока, из Москвы. Соседские дети забегали с цветами. Моя мама шла на почту, расположенную в соседнем доме, и сама посылала несколько телеграмм на красочных бланках с разными подписями, как бы ещё от родных или знакомых. Почтальоном работала моя бывшая одноклассница Неля Штапенко. Она охотно отзывалась на мамину просьбу занести эти телеграммы не одновременно, а будто по мере их поступления. Неля приносила также и цветок с открыткой от работников почты.

Однажды бабушка мне сказала:

– Я знаю, что некоторые телеграммы Аня посылает мне сама от имени других. Но я не обижаюсь. Разве люди могут помнить о поздравлениях, когда у всех так много всяких своих забот! Я всё равно им всем признательна.

К очередному Дню учителя из городской газеты «Керченский рабочий» к Домне Георгиевне по предварительной договоренности приезжает молоденькая девочка-корреспондент. У нее задание написать к празднику о Заслуженной учительнице. Она задает вопросы, вроде как, с чего начиналась ваша работа.

– Дело в том, что у меня очень не сложилась личная жизнь, – неожиданно заявляет бабушка.

– Что значит – «не сложилась»? (У девочки не было в задании выяснять про личную жизнь весьма старой женщины.)

– Такой у меня был муж. Заставил меня остричь косу. У меня была хорошая коса, длинная, волосы светлые, немного рыжеватые.

– Почему же он Вас заставил?

– Вот такой он был. Не любил косы, говорил: «Волос – долог, ум – короток». Тогда многие так считали.

(Опять не по делу!)

– Вы, ведь начали учить детей еще до революции. А как Вы встретили советскую власть? (Сейчас уж начнутся хорошие ответы!)

– Как встретили – обыкновенно. Мы оба тогда учительствовали. Собрали нас всех учителей и спросили, поддерживаете ли вы новую власть. Все молчат, а мой муж, Петр Григорьевич, встал и сказал: «Я не поддерживаю!»

– Как же так? Он что был против? (И к кому только не посылают материал делать!)

– Нет, конечно. Мы толком и не знали, что будет. Просто ему всегда хотелось покрасоваться, сделать то, что другие не делают. Например, отправились мы как-то с компанией молодёжи покататься на лодке. Мы еще не были женаты. Лодку подтащили к берегу, Петя вдруг скинул свою шинель, а шинель у него была хорошая, и бросил ее прямо на песок под ноги.

– Зачем?

– Чтобы барышни ноги не замочили на сыром песке, когда в лодку переходили.

– И что ему все-таки сказали тогда, когда высказался, что он против? Он был наказан?

– Да никто ему ничего не сказал. На его слова внимания не обратили. Нас и спрашивали-то формально.

– А дальше как он?

– Дальше его мобилизовали на Гражданскую войну, он ведь по второму образованию военный, офицер.

– А по первому?

– Он учился в университете на естественном факультете.

Задание редакции осталось невыполненным, Заслуженную учительницу не удалось разговаривать в нужном для праздничного номера газеты направлении.

А можно было спросить о многом. У Домны Георгиевны не вызывало сожаления упрощение русской орфографии, и отмену ятя, фиты и ижицы она не считала большой потерей для живого языка. Как-то услышав мою иронию по поводу ликбеза, ставшим синонимом для понятия формального поверхностного образования, она возразила мне.

– Да знаешь ли, какая была безграмотность! Это большое дело создать методики для обучения взрослых, которые вообще никогда не учились и не имели навыков к процессу учебы. Бригады учителей ездили по самым глухим деревням (Домна Георгиевна тоже принимала уча-

стие в работе таких бригад) и учили всех от мало до велика. Причем, необученными и совсем неграмотными оставались только самые тупые или ленивые.

Она рассказывала, что стали учить читать не по буквам, как это было при старой орфографии, а слогами и словами. Мне пригодились бабушкины рассказы о методике ликбеза, когда моя старшая внучка Нина по стечению обстоятельств стала жить во Франции. Нина приехала летом в Москву, и мы с ней освоили беглое чтение по-русски за несколько дней.

Уже став взрослой, я приезжала из Москвы в отпуск в Керчь, переполненная усталостью от больших нагрузок: работа, дом, транспорт, быт, семейные отношения. Это иногда так давило, что, приехав к родителям, мне хотелось сбросить все это и почувствовать снова атмосферу детства, когда еще не ты несешь ответственность за все моменты текущей жизни... Ощутить незыблемую надежность родительского дома.

Бабушке хотелось пообщаться со мной, поговорить. Но её разговоры и воспоминания, признаться, мне тогда были не очень интересны. (О, как я сейчас жалею об этом!) На бабушку находила сентиментальность и меланхолия. Она вдруг начинала читать стихи совсем давнишние, из её гимназического детства про «бедного малютку, который шел по улице, замерз, поси- нел и весь дрожал».

Или другое:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что смотрите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чем звените вы
В день весенний мая,
Средь нескошенной травы
Головой качая?

Стихи А. Толстого в её исполнении звучали бесконечно грустно, а в последних строках, произносимых ею с паузами и большой задумчивостью, слышалось предчувствие роковой неизбежности:

Я лечу, лечу стрелой, только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой!
А куда – не знаю...

– Бабушка! Опять тоска, опять ты грустное!

– В русской поэзии много грустного. Это стихотворение вовсе не тоска. В нём выражена душа народа, его мироощущение, – объясняла она мне.

Иногда она снова и снова пересказывала, как они добирались из Уфы на Дальний Восток. Каким трудным было это путешествие с тремя детьми... Бесконечные пересадки, разные виды транспорта... И какие обязанности были в пути у каждого. Надёжной и главной помощницей в долгом путешествии была для Домны Георгиевны её старшая дочь двенадцатилетняя Анна. Шестилетняя Валька была озорной и общительной. Бабушка Евдокия, свекровь Домны, зорко приглядывала, чтобы Валька не потерялась. С умилением всегда рассказывалось и о младшем полуторогодовалом Боречке, мальчике серьёзном, имевшем дорожную обязанность самостоятельно нести в специально пошитом мешочке свой горшочек. Не потерял!

Или иногда она с большим чувством говорила обо мне маленькой.

– Ах, Ирка, Ирка! Как же я тебя любила! Ведь сколько детей прошло предо мною, а ты просто забралась в мое сердце. Тебе уж годик исполнился, когда Аня, твоя мама, заболела. Повез её Миша в Хабаровск, там сказали, что нужно оперировать, но никаких гарантий дать не могут. Оставил он её в больнице, а самому нужно было уходить в море. Мы все переживали, что же будет, если Ани не станет. Было начало лета, мы с тобой в поле гуляли. День солнечный, всё в цветах. Ты уже бойко топала своими ножками, а я сшила тебе плюшевые тапочки, в них ты и сделала первые шаги. (Зеленые плюшевые пинетки бабушка всегда возила с собой, как очень дорогую для неё вещь в своей сумочке с документами и прочими важными вещами.)

Бежишь ты по полю, по цветам, ручонки расставила мне навстречу, а я как подхватила тебя, сердце так и зашлось! (Бабушка обхватывает себя руками, изображая, как она обняла меня, её голос дрожит, и на глаза почти наворачиваются слезы.) Думаю, нет, не отдам я девочку Мише! Зачем ему? Он мужчина молодой, красивый, офицер... Сейчас после войны много женщин одиноких, подхватят его... Какая мачеха тебе достанется? Детский врач мне сказал, мол, учтите, Домна Георгиевна, если Аню потеряете, то и ребенка Вам не уберечь. Время-то тяжелое после войны... Продуктов никаких нет, круп на кашу не достать, а если заболит, так ведь лечить нечем. А мне Петя говорит: «Давай, Доня, просить Михаила, чтобы Ирокезу у нас оставил. Мы возьмем козу, я сарайчик сделаю». Я и решила, подниму я девочку! Сама выращу, ни в детдом, ни мачехе не отдам! Дедушка твой привёл Белку, а я научилась её доить. Петя всё умел делать. На своей пасеке все ульи сам смастерил.

Так у них и появилась коза Белка, которую все любили вспоминать за её многочисленные проделки, а позднее и козел Яшка, который запомнился только тем, что он козел. Бог дал, мама хорошо перенесла операцию, осталась жива и не ослепла, а меня выкормили козьим молоком.

На бабушку находили совсем грустные воспоминания. Последний год своей жизни Петр Григорьевич сильно болел. У него обнаружился рак легкого. Как мог заболеть такой болезнью человек мало куривший, проживший много лет на природе и занимавшийся такой здоровой и лечебной отраслью, как мед и пчеловодство? Пути Господни неисповедимы.

– Приду к нему в больницу, он лежит совсем худой, слабый, одна борода кудрявая. Все старался пошутить. Последний раз пришла, он уже почти не говорил. Я долго сидела рядом, дышал он тяжело, потом посмотрел на меня и сказал очень спокойно: «Всё, Доня, прощай». Махнул рукой и отвернулся. Я поняла, что он умер. А тут бежит врач: «Идите домой, Домна Георгиевна, идите. Петр Григорьевич уснул». Я ей говорю: «Как же уснул? Зачем Вы меня обманываете? Ведь он умер». А она: «Нет, нет. Идите, идите». Зачем она обманывала меня? Почему не дала побыть там около него в те мгновения?

Бабушка грустно замолкает...

Советская Гавань

Наша семья: папа, мама, маленький брат и я жила в городе Советская Гавань, построенном перед войной недалеко от известного порта Ванино (песня – «Я помню тот Ванинский порт...») на самом берегу Татарского пролива, всегда холодного с серой темной водой.

Сейчас этот город – крайняя точка БАМа, он связан с Комсомольском-на-Амуре и железной дорогой, и автомобильной трассой. Это сейчас...

Советская Гавань была примечательна тем, что тротуарами там служили приподнятые над землей настилы из досок. Стремительно короткое яркое дальневосточное лето радовало множеством торопившихся зацвести полной красотой кустарников и цветов, а также обильно плодоносившими ягодам и грибами. Бруснику и кисловатый щавель дети отыскивали повсюду. Мы заползали под деревянные тротуары, особенно если они лежали приподнятые над какой-нибудь ямкой, и там в глубине нам удавалось собрать целую пригоршню крепких красно-розовых ягод.

Район, где мы жили, назывался Моргородок, он состоял из двухэтажных деревянных домов-бараков. Зимой всё заносило снегом. Утро иногда начиналось с того, что люди выходили с лопатами, откапывали крыльцо подъезда и проделывали коридор в снежном сугробе.

В поздние советские времена в отсутствии гласности народ часто самовыражался с помощью иронии. Распевали такую частушку: «Весна прошла, настало лето. Спасибо партии за это!» Партия (КПСС) была «наш рулевой», поэтому её славил и фольклорно, типа, благодарили – даже за смену времен года! Сейчас мятник качнулся в другую сторону: теперь во всем виноваты власти, даже в том, что на Дальнем Востоке зимой случаются метели и снежные заносы. Забавно слушать, как сидящая в теплой студии красиво причесанная дикторша, или её коллега с нарядным галстуком сообщают зрителям с сенсационно-тревожной и обвинительной интонацией о том, что в Хабаровском крае в феврале снова всё замело снегом! Что местные жители (по вине администрации!) вынуждены самостоятельно откапывать свои машины или, не дождавшись троллейбуса, идти на работу пешком по снежной тропке. Интересно, не путают ли составители подобных новостных комментариев Дальний Восток с Калифорнией?

Мой отец, тогда молодой капитан III ранга, служил в военно-морской части, именуемой ЭПРОН, занимавшейся подъемом затонувших судов.

Однажды в День Военно-морского флота, который ежегодно отмечался в последнее воскресенье июля, папа объявил, что возьмет меня с собой на крейсер «Джурма», стоявший на рейде около гавани. Это был важный и торжественный момент. Мама надела на меня красивое платье, сшитое соседкой тетей Ниной из белого и желтого крепдешина. Как-то тетя Нина зазвала меня к себе в комнату и, достав целый ворох белых и желтых лоскутов, приложив их ко мне и так и сяк, объявила: «Ну и платье я тебе сделаю! Будешь настоящая леди!» Тетя Нина была творческой натурой, шила прекрасно, я до сих пор помню некоторые ее платья, нарядно волнующие, сшитые для моей мамы. Тётя Нина на своей ножной швейной машинке и частично на руках (от-кутю!) чего только не могла сшить: и женское пальто из шинели, и юбку из кителя. Но больше всего, мне кажется, ей нравилось шить фантастически нарядные платья, как она выражалась «для леди», хотя при этом своих заказчиц она называла не иначе, как Лизка, Наташка, Лидка. Исключение составляла только моя мама, которую по имени-отчеству называли абсолютно все, может потому, что она в свои молодые годы уже была главным врачом больницы водников.

Итак, платье, надетое в честь праздника! Сборки, рукава-крылышки, притом двойные: нижнее крыло побольше – белое, а верхнее поменьше – желтое. И конечно бант! Я в детстве не любила банты на голове, но до сих пор обожаю эту нарядную деталь на одежде.

И вот я, нарядная, стою на катере, стремительно несущемся через всю гавань, где стоят корабли, украшенные разноцветными морскими флажками. Я переполнена чувством праздничности и торжественной ответственности, стою, не шелохнувшись, так как нахожусь рядом с офицерами, которые отдают честь командам моряков и офицеров, выстроившихся на палубах кораблей, мимо которых мчится наш катер. Я честь не отдаю, я знаю, что поднимать руку в военном приветствии можно только к козырьку форменной фуражки или к бескозырке. Я также знаю, что ряды разноцветных флажков на кораблях не праздничное украшение, как на новогодней ёлке. Каждый флажок – это слово или буква, поэтому каждый ряд флажков выражает приветствие или праздничный лозунг.

Вот и крейсер «Джурма». Нам спускают трап. Все поднимаются на корабль, а затем по узким гулким металлическим корабельным ступеням взбегают на верхнюю палубу. Меня никто не держит за руку. Я также как офицеры, живо бегу, совсем не прикасаясь к поручням. И под моими ногами металл ступеней корабельных трапов отдается таким же грохотом, как и у взрослых. Взбежав с одной палубы на другую, мы проходим быстрым шагом мимо матросов, при этом один из них обязательно громко выкрикивает: «ирра-а!» и все матросы замирают навтыжку. Я потихоньку спрашиваю у папы, отчего они все время выкрикивают мое имя. «А как же, – также потихоньку отвечает он, – ведь я сказал, что буду с дочкой». «Но откуда они знают, как меня зовут?» «Ну, это я им сказал», – еще тише с таинственной интонацией говорит папа. Мой папа самый надежный, самый справедливый, самый умный на свете. Но в данной ситуации я все-таки ощущаю какую-то неточность.

– Зачем ты ей голову морочишь! – упрекнула мама отца, когда я рассказала дома о своих впечатлениях, о празднике и о поведении матросов. – Ты не расслышала. Они просто-напросто кричали «смирно!», когда шли офицеры.

В воспоминаниях моей мамы Дальний Восток был самым лучшим местом на земле. Это можно объяснить тем, что там прошло ее детство, юность, начало зрелости. Ведь, как бы не было трудно, молодость есть молодость. Вспоминая какие-то давние эпизоды, она иногда говорила: «О том, что „жизнь стала лучше, жизнь стала веселее“, мы узнали только из песни». Или: «Не дай Бог, кому-то переживать голод! Как это страшно». Она всегда была своего рода диссидентом, хотя тогда не было в обиходе такого слова. Не любила комсомол, из рядов которого ее когда-то исключили как дочь «врага народа», и не захотела восстанавливаться в этой организации после того, как ее отец был освобожден. Всю жизнь она относилась довольно иронично ко всяким идеологическим лозунгам и кампаниям, а также и коммунистической партии. Впрочем, такое отношение не переходило на состоявших в ней людей.

Самой большой «акцией протеста» с ее стороны было, пожалуй, то, что она обычно разжигала колонку для подогрева горячей воды в нашей керченской квартире стопками журналов «Вопросы марксизма-ленинизма», «Коммунист», а также журналом «Политическое самообразование», вызывавшим ее особый сарказм своим названием. Она не раз высказывалась, что только идиот мог дать изданию подобное название.

Журналы выписывал папа. Он был обязан делать это, как и каждый член партии, таким образом, эти издания держали свои тиражи. К маминим аутодафе отец относился без всякого внимания, не проявляя какой-либо политической бдительности. Более того, время от времени он сам отдавал маме стопки этих изданий со словами: «Это тебе на растопку». А в самом деле, что еще с ними делать, ведь на них не было грифа «хранить вечно».

В Моргородоке (Морской городок) мы жили в бревенчатом доме на втором этаже, где у нас была уютная светлая комната с печкой, которой обогревались и на которой готовили еду. У нас был телефон. Черный аппарат висел высоко на стене, и мне нужно было придвинуть табуретку, чтобы добраться до него. Звонить мне было некому, но номер нашего телефона я помню до сих пор: 1—02. Затем в этом же коридоре нам дали еще одну комнату. Это была не комната, а настоящая коморка с крашенными бревенчатыми ничем не заделанными стенами и с крошечным окошком под самым потолком. Там умещалась койка, да какой-то стол. Стены выкрасили краской в голубой цвет. Комната эта всем нравилась. Мой дедушка, приехав к нам погостить из Комсомольска-на-Амуре, со свойственным ему ироничным оптимизмом высказался:

– Да это настоящая «литерка»!

Такое название, приравнявшее бывшую кладовку к литерным вагонам поезда, закрепилось за помещением, напоминавшем комфортные купе в вагонах поездов. Еще бы, невиданное дело по тем временам – гостей укладывали спать в отдельной «литерной» комнате! Мои родители считали, что в жилищном вопросе у них все прекрасно.

Продовольственные проблемы решались за счет папиного офицерского пайка. Дальневосточный флот хорошо снабжался. Отец получал в пайке тушенку, шоколад, сгущенное молоко в больших жестяных банках. Иногда появлялись и американские продукты, получаемые нашей страной по ленд-лизу. (Ленд—лиз – так назывались американские поставки вооружения и продовольствия странам антифашистской коалиции, продолжавшиеся ещё и после войны.) Вместо тушенки в американских банках была вкусная душистая ветчина. Всем нравился и шоколад союзников по коалиции, хотя он был очень горький, а вот сгущенка, по всеобщему мнению, гораздо лучше была наша.

Камбуз – важное место на корабле, и кок – член команды, которого подбирают весьма тщательно. Мой папа любил порассказать и даже похвастаться тем, что никогда не страдал морской болезнью. Он всегда удивлял и радовал корабельного кока тем, что в любой шторм и качку непременно являлся на обед и на ужин.

Военное судно, на котором был командиром папин товарищ Иван Михайлович Горбатов, находилось в дальнем походе.

– Разрешите обратиться, товарищ командир! – кок стоял с большой жестяной банкой в руках.

– Обращайтесь!

– Докладываю: сгущенное молоко американского производства во вскрытой мною банке оказалось испорченным, – рапортовал кок.

– Как Вы определили его недоброкачественность?

– Оно не белое, товарищ командир, а коричневое. К тому же имеет своеобразный запах.

– Вскрыть другую банку!

– Вскрыли еще две – тоже самое. Видимо, вся партия с испорченным продуктом.

Матросы на корабле должны питаться качественно. Трудны условия длительного похода, кто-то невыносимо страдает от морской болезни. В таких условиях еда, приготовленная из испорченных продуктов, может стоить кому-то жизни.

– Все вскрытые банки за борт! – решительно скомандовал командир.

По прибытию в порт командир написал рапорт об американском недоброкачественном продукте. Такие же рапорта командование получило ещё от двух командиров. Комиссия, проводившая серьезную проверку, выяснила, что в банках, решительно отправленных за борт, была вовсе не испорченная сгущенка, а кофе со сгущенным молоком. Наклеек на банках не было, коков не поставили в известность о выдавленных цифровых шифрах, а сам продукт оказался для всех новым и незнакомым.

Путешествия

С первых лет жизни мне пришлось много ездить. У моих родных было достаточно ярких рассказов о том, как меня перевозили из Совгавани в Комсомольск или ещё раньше в село Нижняя Тамбовка, где бабушка преподавала в школе. То ехали на поездах с пересадками, то летели на военном самолете. «Ирокеза, ты у нас настоящая лягушка-путешественница!» – шутил дедушка. Мама вспоминала о поездке с перегоном на собачьей упряжке и с вынужденной затем ночевкой в черной избе нанайской деревни из-за начавшейся сильной пурги. Спать улеглись не раздеваясь, ночью я разбудила мать плачем: «Ручки больно!» Когда зажгли фонарик, то мама увидела на мне целое полчище клопов, а мои голые руки были покрыты ими как сплошной коркой. Тяжёлый нанайский быт никогда не вызывал у моей мамы-врача этнографического восторга. Лишь сочувствие к этим людям.

Запомнился и рассказ Домны Георгиевны, с её точки зрения, даже смешной. Мои родители со мной младенцем прилетели из Совгавани на небольшой военный аэродром, где нас встретил дедушка. Дальше нужно было добираться на машине. Стоял лютый мороз, машина не заводилась. Чтобы на холоде не морозить дитя, дедушка забрал у родителей меня, завернутую в теплое одеяло, и помчался с этим драгоценным свертком на лыжах напрямик через тайгу.

Через тайгу на лыжах с младенцем на руках. Нормально! Остается только удивляться, как спокойно все это воспринималось. В этой истории бабушка любила вспоминать финал. Когда дед доставил меня в Нижнюю Тамбовку, выяснилось, что он нес ребенка всю дорогу вверх ногами. Ребёнка распеленали, оказалось... Всем было смешно. Ведь памперсов тогда не существовало. Ситуация!

В тогдашних многочисленных дальневосточных поездках возможности выбрать комфортабельный транспорт не было. Дай Бог загрузиться в то, что было подано. Однажды мы с бабушкой ехали ночью в общем старом вагоне, в таком, что верхние полки в нём, поднимаясь, смыкались впритык друг к другу при помощи соединительных крючков. Дедушка, сумел ловко занять место на этих полках. Он устроил меня к стенке, плотно уложив между мной и собой наш небольшой дорожный скарб. «Иначе всё украдут» – пояснил он. Дедушка предварительно проверил и завязал мне под подбородком шапку и прочно затянул шнурки на ботинках. «Могут и ботиночки сдёрнуть!» Что же, Пётр Григорьевич, человек бывалый и опытный, знал правила той жизни. Когда мы проснулись, оказалось, что кроме нас на эти общие полки набилось довольно много народа.

Теперь никто кроме меня не помнит подобных вагонов. Но однажды я увидела такой вагон в фильме про какую-то очень давнюю трудную жизнь.

Отцу нравилось брать меня с собой. У нас было много разных поездок вдвоем. Как-то поздней осенью (мне тогда не было еще и пяти лет), мы с ним полетели в город Кемерово. Там жил со своей семьей его старший брат Борис, тогда уже лауреат Сталинской премии в области химии. Летели мы на военном самолете, гражданского Аэрофлота тогда еще не было. В самолете была очень низкая температура, я замёрзла так, что от холода у меня стучали зубы. Папа не знал, что еще на меня надеть и чем укрыть. Летчик принес огромные меховые унты, и меня засунули в один из них. Я согрелась и так летела до приземления. В самолёте я была единственным пассажиром-ребёнком. Дядьки-лётчики прибежали взглянуть на меня и радостно смеялись. Я и теперь помню их хорошее настроение. Ещё бы! Они были молоды, несколько лет назад война закончилась, они были живы... Им было весело видеть в небольшом боевом самолёте серьёзную симпатичную девочку, сидящую на корточках в их летческой обуви.

Из Кемерово мы возвращались поездом через Новосибирск. Ждать пересадки пришлось долго. Мы гуляли по огромному двухэтажному вокзалу, считавшемуся одной из сибирских достопримечательностей. Папа покупал мне мороженое, которое продавала с тележки тётя

в белом фартуке. Она доставала ложкой из ведерка мороженое, затем с помощью специального устройства ловко зажимала его с двух сторон круглыми вафлями и вручала счастливому покупателю.

Мы рассматривали стены вокзала, расписанные крупными красочными панно. Тогда мы ещё не знали, что пейзажи с разными временами года и сцены из счастливой жизни советских людей рисовал со своей бригадой художников Василий Степанович Семёнов. До 1937 года – школьный учитель и близкий друг моего дедушки Петра Григорьевича, а затем на протяжении 9 лет «простой советский заключенный, не коммунист и даже не еврей» в лагерях ГУЛАГа. Его историю жизни мы узнали, когда в конце пятидесятых они с дедушкой каким-то образом разыскали друг друга. (См. выше их переписку.)

И ещё про Василия Степановича. В 70-е годы он приезжал вместе с женой и двумя детьми к нам в Керчь. Он нарисовал небольшой мамин портрет по её юношеской фотографии. А также сделал маслом на холсте большую копию Левитана.

Как-то уже в Москве мне позвонила двоюродная сестра Таня:

– Ирочка! Не можешь ли забрать у нас две картины? После всех наших семейных квартирных разделов и разъездов девать их некуда, а просто выставить в подъезде жалко. Я эти картины помню с раннего детства. Мы жили в Кемерово, отец получил Сталинскую премию. Денег много, а купить в те годы совершенно нечего. Кто-то посоветовал «вложиться в искусство» и порекомендовал мастерскую, где делали копии известных картин. Потом эти картины много раз переезжали с нами. Но сейчас их пристроить некуда.

Мы забрали у Тани две очень хорошие копии: Поленова «Заросший пруд» и Перова «Охотники на привале». Картины отлично расположились у нас на даче. Как знать, но по времени получается, что они были изготовлены как раз в той самой живописной мастерской, которой руководил Василий Степанович.

Мой друг Вовка Лебедев

– Самые главные люди на земле – это моряки. А за ними – лётчики. Утверждал мой товарищ Вовка Лебедев.

Дальнейшей субординации профессий в его рассуждениях я уже не помню. Наши отцы служили на флоте. Мы жили в Моргородке. Кругом – кителя да бескозырки. Мы с Вовкой первое послевоенное поколение. Война была только вчера.

Мои дети посмеиваются сейчас надо мной, когда я говорю, что песня «Катюша» у меня ассоциируется не с девичьим именем, а с грозным оружием, с пушкой.

Такова была интерпретация Вовки:

«Выходила на берег катюша» – это бойцы выкатывают пушку «на высокий берег на крутой».

«Песню заводила» – катюша начинала давать залпы.

«Сизого орла, которого любила...» – это про самолёт в небе.

«... на дальнем пограничье от катюши передай привет» – и пограничники знают про грозное орудие и тоже радуются.

Реальное и выдуманное в детском воображении без труда меняются местами.

Мы с Вовкой ходили в одну группу в детском саду. Однажды чей-то папа соорудил на площадке нашего садика три снежные фигуры: танк, самолёт и крейсер. Они стояли в один ряд, сверкая на дальневосточном солнце. Несколько дней все восхищались и радовались, как искусно и с какими точными деталями всё было выполнено.

В выходной день мы с Вовкой бежали мимо детского сада от нас к ним. Неожиданно Вовка ринулся через сугроб к садику и ловко проскользнул в щель в заборе. Вот новости! Но я и не отстала.

Во дворе садика было непривычно тихо. На всей территории ни души. Снежные скульптуры сверкали на солнце. Красота!

Вдруг Вовка пнул ногой крыло самолёта. Оно рассыпалось! Вовка пнул валенком и второе крыло. И его не стало! Принялся пинать ногами и корпус.

– Давай и ты! – приказал он.

Рушить было страшно, но весело и отчаянно. Мы затоптали самолёт, перешли к танку, и с ним поступили так же. Охваченная азартом разрушения, я побежала к крейсеру.

– Стой! – крикнул мой приятель. – Крейсер не трогать!

Мы затрамбовали и тщательно заровняли валенками весь снег вокруг.

На следующий день дети и воспитатели осматривали пустое место, припорошенное за ночь снегом. Словно, танка и самолёта тут вовсе никогда не было. Бурно обсуждали, что могло произойти.

Я стояла позади всех и боялась, что нас изобличат. Что нам придётся признаваться в разрушительстве. А Вовка – хоть бы что! Он стоял впереди всех, хранил полное молчание. Никаких эмоций...

Чем объяснить этот странный порыв детского вандализма?

Прошли годы. Мне и сейчас стыдно за наш поступок.

Гостей у нас в доме всегда было много. Из Комсомольска приезжали бабушка, дедушка, мамыны сестра и брат. Много бывало отцовских сослуживцев, молодых красивых морских офицеров. Часто появлялся у нас папин ординарец матрос Павлик. Он приносил мне подарки, то морскую звезду, то какую-нибудь ракушку. Иногда он приходил со стопкой матросских писем, и вместе с мамой они писали ответы на письма девушек. В то время во флоте служили по пять лет.

Лебедевы получили комнату в квартире с общей кухней, где еще две комнаты занимали соседи. Комната казалась огромной с высокой печкой до самого потолка. Раньше здесь тоже жила семья офицера, поэтому жилое помещение было уже «обставлено»: посредине стоял стол и вдоль стен три койки.

– Смотри, что я нашел, – таинственно сказал мне Вовка, когда я пришла к ним. Полежай со мной!

Мы с ним забрались под кровать. Вовка показал на небольшое четырехугольное отверстие, аккуратно выпиленное в бревенчатой стене.

– Приложи ухо, – предложил Вовка, – слышишь голоса?

Да, я слышала голоса, хотя довольно невнятно. Кто-то с кем-то ругался.

– Они все время кричат, и они та-ак выражаются! – с удивлением сообщил Вовка.

В той среде, где мы росли, у нас в семье и у Лебедевых было не принято ругаться матом, орать дома и оскорблять друг друга для выяснения отношений. То, что происходило за стеной, казалось тяжелым и пугающим. Мне было совершенно не интересно лежать в пыли под кроватью и вслушиваться в чужие препирательства.

Я дома рассказала о Вовкиной находке. Наверно, родители сразу поняли, что отверстие – нехитрое устройство для подслушивания. В следующий мой приход к Лебедевым я увидела, что у стены с дыркой, где раньше стояла кровать, появился кухонный стол, куда тетя Лиза составила свои кастрюли.

Пожар

Я не помню в Советской Гавани ни одного каменного дома. Все строения: и жилые дома, и поликлиника, и детский сад, и клуб, где показывали кино, и где однажды с очень красивой программой выступал китайский цирк, – всё было сооружено из толстых бревен.

Бабушка привезла меня из Комсомольска, куда она забирала меня на время своего летнего отпуска, и первое, что я услышала от соседки тёти Нины, было:

– Алеша-то Гискин больше не будет ходить с тобой и Вовкой в детский сад.

Сказано это было с грустной раздумчивостью, но подробности тётя Нина мне поведала позднее.

Алеша был красивый темноволосый мальчик с пушистыми густыми ресницами. Вдвоем с мамой он жил в одном из соседних домов. Мама его, тётя Наташа, производила странное впечатление из-за полного отсутствия мимики на лице. Она никогда не улыбалась и не хмурилась. Да и глаза редко шёл по щеке уродливый шрам. След от раны, парализовавшей мимические мышцы. Лицо-маска без оживляющих его эмоций. Тётя Наташа почти не разговаривала, обходилась короткими необходимыми фразами. Даже мне, пятилетней, было понятно, как трудна её жизнь.

Гоша был спокойный мальчик, не озорник. В группе сам по себе, молчалив. Воспитательницы любили гладить его по голове, растрёпывая густые тёмные волосы. Мне он нравился. Вот так: в пять лет девочке может нравиться мальчик.

В наших двухэтажных деревянных домах-бараках в каждой комнате имелась печка, которую жильцы топили самостоятельно. Обогревались и готовили еду. Во дворе нашего дома была водяная колонка, и люди приходили к ней с вёдрами из других ближайших домов.

Я пришла в комнату к тёте Нине, чтобы по обыкновению молча смотреть на её портняжную работу. Мне разрешалось разматывать и сматывать разноцветные сантиметры, дотрагиваться пальцами до наколотых в мягкую подушечку иголок. А также перебирать пуговицы в жестяной коробке. (Боже мой! Это занятие – перебирание пуговиц – мне приятно до сих пор. Я никогда их не выбрасываю. У меня этим добром наполнено несколько жестяных коробок, а также пара деревянных бочонков.)

Тётя Нина была занята кроем. На столе были разложены уже отпаренные большим железным утюгом фрагменты распоротого кителя. Я знала, что далее мастерица будет прикидывать, как их расположить на бумажной выкройке, чтобы собрать юбку. Это являлось самым захватывающим моментом. Если ткань не покрывала должным образом выкройку, тётя Нина находила кусок, выезжающий за выкройку, как бы излишний, отрезала его и подшивала в нужное место. Это называлось «соштуковать». Делала она это столь искусно, что соединение совершенно не бросалось в глаза.

Тётя Нина была в подавленном состоянии. Ей хотелось поделиться со мной тем, что камнем лежало у неё на душе. Она оставили свою работу, уселась на табуретку. Помедлила, собираясь начать свой грустное повествование.

– Пожар в их доме начался на первом этаже поздним утром. Вероятно, кто-то ушел на работу, а печку, как следует, не погасил. Люди со всего Моргородка бежали на пожар. Приделали шланг к колонке в их дворе, пустили воду. И к нашей колонке побежали с вёдрами. Да что толку от вёдер? – брызги просто. Жильцы, кто были дома, все выскочили. На втором этаже успели выбить в коридоре окно, чтобы выбрасывать вещи. Но куда там! Пламя очень быстро побежало по обшивке дома по всем стенам, ведь дерево за лето хорошо просохло. Думали, что в доме больше никого не осталось. Вдруг в оконном проёме на втором этаже появились Наташа с Гошей. Весь первый этаж был в огне, и пламя уже побежало выше по оконному переплёту.

Мать с сыном остановились. Наташа с её всегда застывшим лицом и Гоша, который, молча, держал мать за руку. Люди быстро растянули внизу одеяло. С риском для себя держали его довольно близко к горящим стенам и кричали: «Прыгайте, прыгайте!» А Наташа, словно оцепеневшая, стояла, не делая никаких движений. И Гошу держала за руку. Не поймешь, растерялась или что-то себе ещё думает. Огонь быстро продвигается всё выше.

Наш Николай взволнованно бегал внизу под самым горящим домом и кричал: «Наташка, бросай мне мальчишку, я поймаю! Бросай! Поймаю!»

Но они так и стояли, две фигуры, мать и сын, застывшие неподвижно в огненной раме. Оцепенело держась за руки. Люди не знали, что ещё можно сделать. И вдруг всё ка-ак рухнет! В несколько секунд весь второй этаж провалился в бушующее пламя. Огненные брёвна ка-ак сыпанулись вниз! Сразу: а-а-а-а- общий крик! А потом тишина, словно все онемели. Вот только что стояли перед нами мать и сын... И больше их нет... Только дикий хруст горящих брёвен...

Люди после говорили разное. Одни, что она испугалась до беспамятства. А другие, что она сама выбрала такое. И себе, и своему сыну... В одно мгновение у всех на глазах. Ведь могли спастись! Гоша так и держал мать за руку. Уж такая судьба! Наш Николай потом долго убивался, почему она не бросила ему мальчика. «Я бы поймал! Я бы не оставил ребёнка на произвол судьбы!»

Вот так, Ирина... Твоя мама не очень хотела, чтобы ты знала подробности. Но я думаю, ты у нас девочка серьёзная, ты поймёшь. Такая жизнь... Когда случается беда, люди собираются вместе, стараются помочь друг другу. А всё равно каждый так и остаётся сам по себе. Кроме Наташи и её сына все спаслись. Только домашнее барахло у всех выгорело подчистую.

Нанайский чебурек. Подушка

Наш район в Совгавани назывался Моргородок – Морской городок. Состоял он из деревянных двухэтажных домов барачного типа.

Наша комната с дровяной печкой располагалась в торце коридора на втором этаже.

В соседней комнате проживала со своей ножной швейной машинкой тетя Нина. Ещё одну комнату занимал дядя Коля, который мне запомнился тем, что всегда ходил в ватных стеганых штанах и с обнаженным по пояс торсом.

В этом же коридоре нам позднее дали кладовку дополнительно как комнату. Одна стена в ней оставалась бревенчатой, всё помещение выкрасили голубой краской, и кладовка с крошечным окошком под потолком стала уютной комнатой. Дедушка Пётр Григорьевич со свойственным ему ироничным оптимизмом назвал эту каморку «литерка», и такое название закрепилось за помещением. Мои родители считали, что в жилищном вопросе у них всё замечательно!

В «литерке» имелась и печка. По случаю праздников «литерка» часто использовалась как кухня, где сообща лепили сотнями пельмени и пекли пироги.

Соседка тётя Нина напекла однажды весной огромный поднос жаворонков, румяных пухлых птичек с чудесными глазками из ягодок и с острым носиком, а также с искусно вылепленными из теста крылышками и хвостиком. Мы вместе с тётей Ниной угощали этими птичками детей во дворе.

К нам часто заходили папины сослуживцы, молодые, в соответствии с возрастом еще стройные офицеры, трое из которых были его друзьями со студенческих лет в Ленинграде. ЭПРОН – было их место службы. Мой глаз был привычен к аккуратным офицерским кителям и красивым фуражкам. Являлся папин ординарец матрос Павлик. Всегда брюки со стрелками, наглаженная форменка, до хруста выстиранный голубой воротник с белыми полосками. «Бескозырка белая и флотский воротник!» Ведь на флоте внешнему виду придавалось всегда большое значение. Иногда Павлик приносил стопку писем, которые его друзья по кубрику получали от девушек. И моя мама помогала сочинять душевно трепетные ответы. На флоте тогда служили 5 лет!

Мама была главным врачом в Больнице водников. Её многие знали и, несмотря на молодой возраст, называли по имени отчеству: Анна Петровна. По её служебному положению нам установили телефон. Черный аппарат висел в комнате высоко на стене, но подставив табуретку, можно было добраться до него, снять трубку и, приложив её к уху, слушать длинные гудки. Номер этого телефона я помню до сих пор: 1—02.

Знакомых в Совгавани было много самых разных. Из детского сада меня иногда забирала семиклассница Рита. Симпатичная весёлая бойкая девчонка. Моя мама говорила, что Ритка с её характером в жизни не пропадёт. Ритка мечтала стать артисткой. Дома она практически вела все хозяйство и командовала младшим братом. Их мать тётя Полина, крупная, грузная женщина с большими красными руками работала в пивной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.